

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ПОД

СОЗВЕЗДИЕМ

ОРИОНА

«Мемуарный» цикл

Владислав Крапивин

Под созвездием Ориона

«Автор»

2000

Крапивин В. П.

Под созвездием Ориона / В. П. Крапивин — «Автор»,
2000 — («Мемуарный» цикл)

ISBN 5-699-18313-2

Увлекательные мемуары знаменитого писателя и публициста Владислава Крапивина. Читая их, погружаешься в удивительный мир этого умудренного жизненным опытом человека, которому удалось остаться немного романтиком...

ISBN 5-699-18313-2

© Крапивин В. П., 2000

© Автор, 2000

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владислав Крапивин

Под созвездием Ориона

Неуклюжий опыт бессюжетного «мемуара»

*Евгению Ивановичу Пинаеву,
чье умение писать мемуары
восхищает меня.*

Говорят, всех (или очень многих) литераторов при достижении определенного возраста тянет к мемуарному жанру. Сам я поддавался этому соблазну неоднократно. Написал два цикла автобиографических повестей, а потом «Опыт короткого дневника с длинными воспоминаниями» (и часть этих воспоминаний даже опубликовал в «Уральском следопыте» под названием «Однажды играли...»).

Очень удобная штука такой «мемуарный дневник». Допускает «вольное течение мысли», не скованное требованиями сюжета и жанровыми канонами.

О заманчивости подобной прозы и своем желании писать именно так не раз упоминали известные авторы.

Что касается меня грешного, то я отнюдь не помышляю в чем-то сравняться с именитыми мастерами. Просто подобные «писания» – хорошая возможность вернуться в прошлое, вдохнуть воздух давних лет и снова встретиться с друзьями, в том числе и с теми, которых уже нет...

И почему бы и не позволить себе такое дело? Имею право! Вчера отнес в «Следопыт» дискету с только что законченным произведением, написанных в строгих традиционных рамках литературного жанра – с романом «Лужайки, где пляшут скворечники». Это была давняя работа, я обещал ее еще Виталию Бугрову – значит, более пяти лет назад. И теперь... Как там у Александра Сергеевича?

Миг вожаденный настал: окончен мой труд
многолетний.

Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?

Грусть тревожит в основном из-за неизвестности: как там, в редакции, отнесутся к этим самым «Скворечникам»? Но в любом случае есть какое-то время, чтобы отдаться воспоминаниям... А о чем?

Здесь выручают ассоциации...

Эти страницы я начинаю писать 12 августа 99 года. Вчера было солнечное затмение. На Урале – не полное, «на половинку». Глянул сквозь стеклышко, которое закоптила жена. Ну, затмение как затмение, видел такие и раньше. Главное же – то, что предсказанный Нострадамусом и другими вещателями будущего всеобщий конец света не состоялся. Слава Богу! А что касается отдельных и многих признаков Апокалипсиса, то они начались не вчера и кончатся, видимо, не завтра. Стоит включить телевизор и... Да ну его к лешему!

Только что вернулся с очередного совещания в поддержку журнала «Урал». Главная польза от таких совещаний – то, что есть возможность потолкаться среди братьев-писателей

и журналистов, узнать новости и отвести душу в суждениях о современных событиях в литературе и политике.

По коридору, махая листом с каким-то текстом, сверкая очками и погонами носился поэт Александр Кердан. Я ухватил его за рукав и попросил объяснить мне, тупому в военном деле прозаику, кое-какие вопросы, касаемые Дагестана..

– Я, Саша, конечно, человек сугубо штатский, но даже мне кажется, что... – Ну и так далее.

Полковник по-офицерски прямо глянул мне в глаза и внятно изложил свое мнение в таких выражениях, которые здесь я приводить не стану. Главное, что мнение это вполне совпадало с моим.

Далее поэт Кердан помчался куда-то дальше, а я, глядя ему вслед, сочинил:

С маханьем белого листа
И вдохновением во взоре
Мелькает Кердан в коридоре
Созвездьем Южного креста.

Я имел ввиду его большие блестящие звезды на погонах.

Саша с удовольствием записал мой экспромт, хотя ни я, ни он не знали, похожи ли три звезды на погонах хоть в какой-то степени на упомянутое созвездие.

...Сейчас, оторвавшись от клавиатуры, попробовал найти Южный крест («Сгух») на штурманском звездном глобусе, который давным давно подарил мне знакомый моряк-балтиец. По вечному «закону подлости» именно это созвездие на желтом лаковом шаре оказалось полустертым. Все же разобрал кое-как, что часть его можно сравнить со звездами на полевом погоне своего коллеги.

А «в натуре» Южный крест я никогда не видел. Ни разу в жизни не пересекал экватор. Наименьшее расстояние, на которое приближался к нему, это километров двести. Когда был в Гаване.

Случилась та поездка почти полжизни назад, в ноябре семьдесят второго года. Весьма интересное было время. Тропики, Атлантика, отель-небоскреб «Гавана либре» (бывшая «Гавана Хилтон»), коктейль «Дайкири», мельканье провинциальных городков (Матансас, Пинар-дель-Рио, Канделария, Сан-Кристоваль...), старые экзотические кабачки «Бодегито дель медио», «Лос дос эрманос и «Ла каса де лос винос»; воспетый Хемингуэем портовый район Гаваны; весьма по-дружески настроенные кубинские поэты и грозное предощущение чилийских событий, зреющих совсем неподалеку...

Удалось пообщаться даже со всемирно известным классиком и борцом против колониализма Николасом Гильеном. Правда, не столь тесно, как хотелось бы.

Когда мы, четыре члена советской писательской делегации, пришли в Кубинский союз писателей и художников, чтобы поздравить Гильена с недавним семидесятилетием, вручить сувениры и провести часок за дружеской беседой, классик поздравления и сувениры с удовольствием принял, беседой – весьма непринужденной – удостоил, но вынутую нами бутылку столичной распечатать не дал, приобщил ее к сувенирам и спрятал в шкаф. Объяснил, что распивать водку без коллег по кубинскому писательскому сообществу ему неловко, а если этих коллег пригласить, они сейчас, с утра, накачаются и весь день не будут работать. Потом, после визита, нам пришлось компенсировать «сухость» беседы в прохладном подвальчике напротив отеля – уютном заведении с телефоном начала века и старинным портретом неизвестной нам дамы на стене...

Долго собирался описать эту поездку (она стоила того) в документальной повести, да так и не удосужился... А никаких созвездий – ни знакомых северных, ни экзотических южных

разглядеть в экваториальном темном небе мне тогда не удалось. Чаще всего по ночам небо затянуто было полупрозрачной дымкой (кубинцы говорили, что это предвестие близкого тропического урагана, который, к счастью, так до нас и не добрался).

Лишь один раз мне показалось, что я заметил в разрыве летящих облаков трехзвездный пояс нашего родного Ориона. Но за достоверность данного факта ручаться не могу, ввиду специфичности условий наблюдения.

Дело в том, что в тот вечер «имела быть» дружеская встреча с кубинскими коллегами в знаменитом кафе «Тропикана». Обещано было весьма смелое (по тем временам и понятием) зрелище стриптизного толка («шоу», как сказали бы сейчас). Однако вместо этого показали ансамбль из дружественной Болгарии, в котором дальше заурядных купальников дело не пошло. И с не оправдавшего наши надежды зрелища мы перенесли внимание на знаменитый гаванский ром лучших сортов.

Друзья-кубинцы учили нас пить, наливая ром на дно фужера и заполняя оставшееся пространство кока-колой (или чем-то вроде). Я же и рыжебородый Игорь Нагаев (зам. редактора журнала «Детская литература»), слегка развеселившись, сообщили друзьям, что российские традиции диктуют иные пропорции: рому полный бокал, а газировки – чуть-чуть, сверху. Кубинские коллеги попробовали и одобрили.

Что с ними стало потом, не знаю. А себя помню уже в машине – в длинном полуразвалившемся «форде», который водил шофер «ихнего» союза писателей (и художников заодно!) по имени Хесус. Кстати бывший капитан армии Фиделя (по кубинской табели о рангах огого какое звание!).

Так вот, этот капитан Хесус, не скованный советскими правилами безопасности движения, видимо, тоже кое-чего принял в «Тропикане», на веранде среди черных ночных пальм и цветных фонариков. По крайней мере, злополучный «форд» который вечно ломался («Трансмисьон – крак», – говорил тогда Хесус), на сей раз ехал то боком, то кормой и лишь изредка вперед радиатором. Столь удивительному способу передвижения способствовал скользкий асфальт. Через каменный парапет знаменитой набережной Малекон хлестали штормовые волны. Возможно, это начинался обещанный ураган.

Помню, что у себя на восемнадцатом этаже я вышел из лифта твердой походкой и даже сказал милой горничной-мулатке «буэнос ночес». И отметил про себя, что небоскреб «Гавана либре» слегка раскачивается. В этом не было ничего удивительного: я слышал и раньше, что верхние этажи высотных зданий при ураганных ветрах подвержены некоторым колебаниям.

Однако же следующее мое воспоминание – то, что я лежу (точнее, полусижу) на полу с головою на застеленной кровати. Ураган, видимо, продолжался, поскольку качание не стало меньше. Устыдившись своего состояния, которое недостойно советского писателя и командора парусной флотилии «Каравелла» (это свое звание я настойчиво пропагандировал среди кубинских детских писателей и даже надевал иногда штурманскую куртку), я преодолел качку и вышел на балкон.

Штормовая ночь над Мексиканским заливом мигала огнями и звездами. Проблесковый маяк Морро-де-ла-Гавана на мысу Барловенто каждые пятнадцать секунд бросал во тьму яркие двойные вспышки. А звезды то и дело вспыхивали среди клочкастых летящих облаков (которые почти сливались с тьмой). Вот тогда-то мне и почудилось, что я вижу три яркие, знакомые с детства звезды – среднюю часть созвездия Орион.

Я любил это созвездие. В детстве, в городе Тюмени, когда я, пятиклассник, после шести уроков второй школьной смены возвращался домой по непроглядно-темной улице Смоленской, Орион дружески светил мне в осеннем или зимнем небе, разгоняя страхи и напоминая, что путь недолог...

И вот здесь, на балконе восемнадцатого этажа, я вспомнил школьные годы, темную Смоленскую улицу, где из-за поворота выплывали наконец три желтых окошка моего дома, и меня

резанула ностальгия. Та самая, о которой раньше я только читал в книжках про старинные путешествия. Я вдохнул «соленый ветер океана», и он почти полностью выдул из меня ромовые пары, но не смог выдуть тоску по родным краям. И на этой, щемящей мою грешную душу ноте сочинились стихи:

Тоска придет на пятый день,
И вдруг ненужным станет город,
Который раньше был как сон,
Как сказка зюйдовых морей.
Тоска найдет тебя везде —
У старой крепости Эль Морро,
Среди портовых кабаков
И раскаленных площадей.

И снова смотришь на маяк,
Туда, где древние атланты
Готовы сбросить горизонт
В руины вспененных штормов.
И отзвук незнакомых слов
«Tamborileros, adelante!»
Звучит командой «Все наверх
Для постановки парусов!»

В этих скоропалительных виршах была лишь одна фактическая натяжка: день был уже не пятый, а, кажется, пятнадцатый. Но стихотворные размеры диктуют свои правила. А все остальное...

Слово «тамборилерос» означает «барабанщики». Мне его сказал пожилой поэт Элисео Диего, которому я показал фотографию с маленькими барабанщиками своего отряда. «Аделанте» же – это «вперед». «Аделанте!» – вдохновенно восклицал капитан Хесус, когда ему удавалось наконец запустить мотор своего дряхлого темно-синего монстра (и мы мчались под антильским небом до очередного «трансмисьон – крак»). Ну, а «Тамборилерос, аделанте!» – значит, «Барабанщики вперед!» По-русски эта команда в те времена то и дело звучала в отряде «Каравелла». Это, когда наши пацаны с высокими «суворовскими» барабанами – юная и отважная гвардия отряда – на построении выдвигались в передние шеренги. Чаще всего такое бывало на сборах, после которых начинались какие-то интересные дела. А самым интересным были плавания во время парусной практики. «Внимание, экипажи! Пошел все стакселя и гроты ставить!»

Там, на балконе, меня вдруг охватило ощущение несправедливости. Почему я з д е с ь, а мои ребята там, далеко, среди ноябрьской слякоти и снега? Они тоже имеют право видеть пальмовые рощи, бастионы пиратских времен, тропические волны Атлантики и Карибского моря... Если бы можно было притащить их сюда, как таскал в Севастополь и в Ленинград! Ну, пусть не всех, а хотя бы несколько лихих штурманов и матросов из первой «барабанной» шеренги: Сережку Сомова, Сашку Шильникова, Максимку Языкова, своего верного друга и адъютанта Альку со звучной, как у греческого контрабандиста, фамилией Сидоропуло. И самого юного барабанщика – моего первоклассника Пашку...

Да, свободные ассоциации – штука все-таки рискованная. Разве о Кубе я собирался писать, когда сел за компьютер? А повело вдруг от звездочек на погонах до штормовой ночи в Гаване...

Кстати, наутро мне сказали, что ветер был не столь уж силен. По крайней мере, не из тех, что раскачивают небоскребы...

А испанские слова «*Tamborileros, adelante!*» я привез ребятам в «Каравеллу», и они написали их на эмблеме отряда, сделали своим девизом. Ничего удивительного, кубинская романтика была тогда еще сильна и горяча. К тому же, слово «Каравелла» тоже испанское. Пишется: «*Carabela*». Так и вышито на шевронах флотилии. По-моему, именно от этого слова пошло русское «корабль». Некоторые филологи (я читал) объясняют, что «корабль» – от славянского «короб», но это кажется мне притянутым за уши. Тем более, что в допетровские времена слово «корабль» использовалось редко, говорили «ладья», «судно». А при Петре иногда так и писали – «карабель». Почти что испанская «карабела»... Кстати, какой повод для ура-патриотов обвинить меня в низкопоклонстве перед заграницей!

Но опять же понесло меня в сторону, в филологию. А о чем я хотел?

Да! Сидя на совещании в «Урале», я думал, что начну очередные мемуары именно с этой ободранной комнаты на четвертом этаже.

Здесь в начале шестидесятых располагалась редакция «Уральского следопыта». Именно сюда я пришел летом шестьдесят второго, будучи оформлен «переводом» из «Вечернего Свердловска». Перейти просто так было нельзя – не вышел трехгодичный срок после распределения в университете. «Перевод» прошел на удивление гладко. Спасибо Вадиму Кузьмичу Очеретину, который тогда руководил «Следопытом».

Сейчас вспоминаю: до чего же хорошо тогда относились ко мне, «молодому прозаику», все, от кого зависела моя судьба! В «Вечерке» (где я поочередно был литсотрудником разных отделов) добродушно сказали: «Все равно он в рабочее время пишет в основном не репортажи о городских делах, а свои рассказы; ну и пусть уматывает в журнал». А в журнале уже поджидали, считали «за своего». И даже разразились по поводу моего прихода соответствующими виршами:

От «Вечерки», как от жутких пыток
Он бежал, Исетских вод гроза,
И в Уральском нашем следопыте
В.Крапивин подымает паруса.

А Владимир Николаевич Шустов (он вскоре стал главным редактором, сменив на этом посту Очеретина) внес уточнение:

От «Вечерки», как от жутких пыток
Он бежал в объятья следопыток.

Впрочем, любовь к истине требует отметить, что сей шедевр был создан не сразу, а через пару месяцев, к моему 24-летию, которое было отпраздновано в редакции.

То же пристрастие к точности требует от меня указать, что «пытками» свою жизнь в «Вечернем Свердловске» я не считал, хотя случалось «всякое».

Я благодарен газете за недолгую, но основательную журналистскую школу, за репортерскую выучку. А еще пуще – тем людям этой газеты, которые охотно читали и обсуждали мои литературные творения и порой печатали их. Особое спасибо заведующему отделом информации Феликсу Овчаренко, который дважды устраивал мне (тогда еще «нештатнику») вздрючки за опоздания при сдаче репортажей. Вздрючки были крепкие, зато с той поры я ни разу не провалил ни одного редакционного задания. И до чего же горько, что Феликс так рано умер из-за скоропалительной болезни...

Кстати, именно «Вечерка» сорок лет назад напечатала мой первый «настоящий» рассказ «Восьмая звезда», который потом вошел в книжку «Рейс «Ориона». И с этой даты – 17 октября 1959 года – я начал отсчитывать официальный литературный стаж.

Иногда я набираю знакомый, не изменившийся за сорок лет номер отдела информации – 51-65-34 – и звоню в «Вечерку» давним соратникам: Алику Чудиновских и Эдику Якубовскому. Вот позвонил и сейчас:

– Эдик, можно я помешу в своих бестолковых воспоминаниях твои стихи?

– ?

– Я только что нашел этот листок в старой архивной папке. Пометка – Свердловск. 26. 4. 62. Ред. Газеты «Веч. Свердловск». Надпись – Славе Крапивину с уважением...

– Ну-ка напомни...

Я напомнил. И теперь, с позволения Эдуарда Григорьевича, привожу здесь эти стихи. Как свидетельство того тревожного времени, когда беспрестанно шли речи о происках НАТО, когда мы, молодежь, то и дело находили в почтовых ящиках военкоматовские повестки, призывающие нас то на переподготовку, то на какие-то таинственные перерегистрации, и когда нарастали события вскоре разразившиеся «Карибским кризисом».

Тревога

Над лугом, где кидались мячиком,
Над группой березок тощих,
Два скоро-грозных перехватчика
Ловили ТУ-бомбардировщик.

Мы знали – это всё условно,
Хоть очень грозно и красиво,
И через час, сойдясь в столовой,
Враги закажут вместе пиво.

Но было что-то в этом вое
Такое, бьющее по нервам...
Я бросил мяч, прошел травой,
И на земле уселся первым

Пришел второй, четвертый, пятый.
Среди березок тощих, дохлых
Легли мы рядом, как солдаты,
Застигнутые криком «Воздух!»

Кстати, а что изменилось с той поры? Разве, что типы самолетов...

Да, газету я до сих пор вспоминаю добрыми словами.

И все же я был счастлив, оказавшись в журнале.

Началось славное «следопытское время». На работу можно было приходить хоть в десять, хоть в одиннадцать, хоть к обеду (а в случае чего, можно и вообще денек погулять). Лишь бы дело свое делал к назначенному сроку. Не то, что газета, куда, хочешь – не хочешь, а бреди

раным-рано с тяжелой от недосыпа головой и начинай собирать по телефону ежеутреннюю информацию. В журнале – и суеты в сто раз меньше, и работа по душе, над рукописями рассказов и повестей. И вообще жизнь веселее. Часто шел как на праздник.

В редакции, насколько помню, только у главного редактора был свой кабинетик. Остальных объединяла э т а с а м а я комната. Здесь были и художественный редактор Александр Соломонович Асс, и зав. редакцией Эвелина Петровна Ермакова, и машинистка Валя Бабушкина, и корректор Галя Стороженко, и литсотрудник Лена Константинова, и шеф отдела прозы Лев Григорьевич Румянцев, и знаменитый краевед и эрудит Юрий Михайлович Курочкин. А еще – Александр Георгиевич Богачев, Стефан Антонович Захаров, писавший стихотворные «драмы» к каждому празднику и юбилею; и бородатый богатырь Евгений Григорьевич Ананьев – зав. отделом семилетки.

Для тех, кто не знает – «семилетка» это не школа с семью классами, а хрущевский план развития народного хозяйства, придуманный вместо традиционных пятилеток.

Евгений Григорьевич, кстати, незадолго до того был руководителем моей дипломной работы в УрГУ. Руководил своеобразно. Сказал: «Слава, я же тебя знаю, пиши спокойно свои рассказы, будет тебе пятерка за диплом». И больше не вмешивался до самой защиты. После защиты мы славно выпили у моей старшей сестры, на Уктусе, где я обитал в ту юношескую пору...

Надо сказать, что и редактор наш, больше отирался в «обществе», чем в своей клетушке. А еще – обязательно кто-нибудь из «заглянувших на минутку» собратьев по перу.

Работа работой, а общие разговоры не умолкали. Бывший артиллерийский разведчик Шустов порой рассказывал фронтовые истории. Лев Григорьевич непрочь был потолковать о загадках вселенной и гипнотизерах. Юрий Михайлович любил вспомнить мало известных в ту пору, а то и запрещенных писателей и поэтов. Однажды он дал мне листок с напечатанными на машинке стихами.

– Слава, мне кажется, это будет вам интересно...

Так я впервые прочитал гумилевских «Капитанов».

Иногда «трёп» становился веселым и шумным. Травили анекдоты. Порой, увы, такие, что Галя пряталась за стопки рукописей, Валя – за машинку, Лена прижимала к щекам растопыренные пальцы, а бедная Эвелина Петровна, давась от возмущения и хохота выбрасывалась через дверь на лестницу, как десантник в парашютный люк...

Теперь пытаюсь вспомнить, где же в ту пору помещался «Урал». Где-то рядом. Вообще у двух журналов, родившихся почти одновременно, был тогда творческий «симбиоз». Одни и те же люди работали то в одной редакции, то в другой: Вадим Очеретин, Стефан Захаров, Давид Лифшиц... Жаль, что сейчас «Урал» и «Следопыт» далеко друг от друга.

Приятно вспоминать, что впервые «Урал» напечатал меня в шестьдесят втором году. Это был маленький рассказ «Рубикон». Лев Григорьевич Румянцев, прочитав его, сердито критиковал меня за безжалостное отношение к животным: в рассказе пятилетний пацаненок Клякса вышел против громадного зловредного гуся с оружием. С рогаткой... (Сейчас я во многом пересмотрел свои по-юношески экстремистские позиции и признаю критику Льва Григорьевича справедливой).

С тех пор «Урал» при всех редакторах был ко мне благосклонен, печатал часто и безотказно...

Наверно, я местами путаюсь: где, что, как... Кто когда пришел и ушел, кто какую должность занимал... Столько лет прошло. Но я ведь не историю пишу, а пытаюсь передать свое ощущение тех времен. Ощущение молодости...

Чуть позже меня поступил в «Следопыт» (кажется, заместителем редактора) известный наш сатирик Игорь Тарабукин. Сейчас, за давностью времени, трудно мне вспомнить, насколько велик был его творческий вклад в редакционную деятельность (думаю, что достаточно велик). А его вклад в наши общие развлечения был весьма конкретен. Он научил всех делать «мини-ракеты» из спичек, обернутых жестью от плоских кефирных пробок. Запускались эти ракеты с установок, сделанных из канцелярских скрепок.

Несколько дней в редакционной комнате стоял синий дым от «ракетных залпов». Энтузиасты этого дела все увеличивали заряды, усложняли конструкции. Кончилось тем, что мы с Игорем Ивановичем едва не спалили редакцию. Взрослые мужики, но, видимо, школьный запал все еще не угас тогда в нас. Мы соорудили из многослойной бумаги ракету размером с сигару, начинили горючей фотопленкой и решили запустить ее на лестничной площадке.

Ракета поднялась, но не высоко. Затем клюнула и ушла в лестничный пролет. И там изрыгнула желтое пламя и зеленый вонючий дым. Хорошо, что успели сбегать вниз и затоптать. А то ведь... до сих пор жуть берет, как представляю родной четырехэтажный корпус с обугленными провалами окон...

Игорь Иванович ракетную неудачу прокомментировал четырехстрочным экспромтом, но я его не запомнил, а сочинять не хочу...

Вообще-то с Тарабукиным отношения у меня были неровные. На то он и сатирик, чтобы время от времени пускать в ближних своих шпильки. Порой более колющие, чем принято в приятельском кругу. Впрочем, надо отдать должное, всегда остроумные. Пример тому – его комментарий на мое вступление в Союз писателей.

Московская комиссия утвердила решение о моем приеме 3 июля шестьдесят четвертого года. Поздравительная телеграмма пришла через пару дней, и в то время было уже известно, что четвертого числа умер Маршак. Это дало Игорю Ивановичу повод, меланхолично глядя в потолок, заметить:

– Начало июля в Союзе писателей отмечено двумя трагическими событиями...

Я разозлился. Я любил Маршака (особенно его лирику) и сказал, что зубоскалит по такому поводу – свинство. Игорь Иванович уточнил, что зубоскалит не по поводу Маршака, а по поводу вновь испеченного члена СП. Я сказал, что и в этом случае полезно дозировать свое сатирическое вдохновение, а то оно порой перехлестывает через край. И напомнил случай с кинокамерами.

В начале того, шестьдесят четвертого, года Тарабукин купил в «Пассаже» крошечную, размером с портсигар, любительскую кинокамеру «Экран». Очень увлекся съемками, то и дело рассказывал о них и в конце концов «совратил» меня. Но мне тогда не полвезло: купленная камера оказалась с браком. Я понес обменивать ее, и разумеется началась волокита. Через несколько дней дело дошло до жалобной книги и объяснений с заведующей торговым отделом. Потом оказалось, что девицам-продавицам просто доставляло удовольствие изводить молодого журналиста, который «много о себе понимает». И об этом они с удовольствием рассказывали своему знакомому – И.И.Тарабукину. А этот И.И. с неменьшим удовольствием пересказывал ситуацию в редакции, снабжая рассказ язвительными примечаниями и упрекая меня в неумении «строить отношения с людьми».

Помню, что я тогда вскипел. Сказал, что обмен товаров должен производиться не на основе «умения строить отношения», а в соответствии с правилами торговли. И что известному литератору, посвятившему свой поэтический дар беспощадной борьбе с бюрократизмом, хамством и прочим сволочизмом, следовало бы подвергнуть случай в «Пассаже» сатирическому бичеванию, не хихикать с девицами над своим товарищем. Но тот продолжал хихикать...

(Примечание. Слово «сволочизмом» компьютер подчеркнул красной волнистой линией: не знаю, мол, такого термина. Интеллигентная машина).

Впрочем, скоро мы помирились: общее увлечение киносъёмками оказалось сильнее обид. А своей камерой «Экран» я через десять лет снял документальный фильм о поездке на Кубу. Камеры давно уже нет, а фильм сохранился. Я перевел его на видеокассету и теперь иногда смотрю, чтобы вспомнить молодость и убедиться: тропики, Гавана и берег Атлантики не были сном...

Но меня опять повело «в дальние края». Возвращаясь в редакцию... Напомнив Тарабукину историю с кинокамерой, я по инерции пошел дальше и сообщил сатирику, что он до сих пор не может простить мне прошлогоднюю московскую поездку.

Дело в том, что в мае шестьдесят третьего года в Москве проходило Четвертое все-союзное совещание молодых писателей. В свердловских литературных кругах долго ломали головы: кого послать? Писательский коллектив нашей области молодостью никогда не отличался. Самым «юным» сочли сперва Тарабукина. Почти совсем уже утвердили кандидатуру, но... ведь все-таки далеко за тридцать человеку, член СП уже, как-то «не вписывается». И тогда наконец спохватились:

– А почему бы не послать Крапивина? Есть уже книжка за душой, вторая готовится к печати, чем не «молодой писатель»?

Игорь Иванович активно поддержал эту идею и даже заметил, что «может, и правда выйдет толк из юноши», но его энтузиазм показался мне слегка ненатуральным. И вот сейчас (то есть в июле шестьдесят четвертого) я мстительно напомнил сатирику прошлогодний эпизод.

Игорь Иванович оттопырил губу: чего, мол, я не видал там, в компании литературных салаг?.. На этом конфликт был исчерпан.

А ту поездку я вспоминаю до сих пор с ощущением юношеской радости. Во-первых – вообще молодость и радужные надежды. Во-вторых – свежий ветер «шестидесятничества»: громовые выступления молодых поэтов, песни Окуджавы, победные путешествия в космос, горящий революционным пламенем «команданте Фидель»... Юрий Гагарин, выпустивший книжку о своем полете и потому тоже приглашенный на совещание начинающих литераторов. Подумать только: «наш коллега Юра»!

Я видел его тогда единственный раз в жизни. Он выступал на сцене зала в гостинице «Юность». Очень скромный, с изумительной своей улыбкой, с небольшим шрамом на лице – следом какой-то недавней аварии. Говорил негромко, даже чуть смущенно, словно так и не привык к своей всемирной славе. Я, мол, понимаю, что не из-за книжки меня пригласили, но все равно рад встрече...

Тех, кто писал для ребят, объединили в отдельный семинар (под номером 20!). Было человек пятнадцать, по-моему. В том числе Алик Лиханов, который на два года раньше меня окончил наш Уральский университет. А еще – Анатолий Соболев, уже тогда прославившийся своей книжкой «Грозовая степь»; сибиряк Геннадий Михасенко, чью повесть «Кандаурские мальчишки» очень хвалили. Хвалили и волгоградца Юру Мишаткина, который в каком-то пухлом альманахе напечатал повесть о ребятах в пионерском лагере. Остальных, по правде говоря, уже не помню.

Какова судьба у Юры Мишаткина, я не знаю. Альберт Лиханов сделался знаменит, выпустил множество книг и собрание сочинений, но в перестроечные годы вдруг ушел в «иную сферу» – стал главой Всесоюзного детского фонда, которым (теперь уже, конечно, Российским) руководит, по-моему, до сих пор. Писал ли он что-то с той поры, мне не ведомо. Геннадий Михасенко, обитая у себя в Сибири, дал нашей детской литературе несколько очень славных книг. Анатолий Соболев – кажется, самый старший из нашей тогдашней компании – тоже писал много и хорошо. Сейчас у меня перед глазами на полке его солидный двухтомник. Мы с Анатолием потом не раз встречались на разных съездах и совещаниях – и в Москве, и в Свердловске.

Последняя встреча случилась теплым солнечным утром недалеко от гостиницы «Россия». Был конец восьмидесятых, по-моему, очередной какой-то писательский съезд (чуть ли не

последний из «советских»). Да простит меня Толя, не помню уже точное время и порядковый номер этого съезда. Зато прекрасно помню усталое, бледноватое Толино лицо. Мы поговорили о том, о сем, он пожаловался, что неважно спал ночью. «Что-то сердце прижимало...» Я уехал в тот день домой, а потом узнал, что Анатолий умер в номере гостиницы. Не успел дотянуться до столика с лекарством...

Вообще эти писательские съезды (а мне с начала семидесятых пришлось бывать на них на всех – и на российских, и на всесоюзных) не раз были связаны у меня с какими-то грустными событиями. Уедешь в Москву, а дома – то мама захворает, то местное начальство очередной раз примется разгонять отряд «Каравелла», то с очередной книжкой в издательстве какие-то «тормоза».

В декабре восьмидесятого, во время Пятого съезда писателей РСФСР, мы с со Станиславом Федоровичем Мешавкиным, тогдашним редактором «Уральского следопыта», сидели в гостиничном номере, и вдруг раздался междугородний звонок. Из Свердловска сообщили, что умер Игорь Иванович Тарабукин.

Уехать из Москвы мы не могли. У Мешавкина были в столице какие-то неотложные дела, я должен был выступать на съезде (и по наивности все еще надеялся, что такое вступление может как-то повлиять на литературные дела). Мы помянули Игоря Ивановича горьким чешским бальзамом, который продавался в коробке с приложением фаянсовых рюмочек, похожих на крошечные модели пивных кружек. Эта кружечка – память о том печальном дне – сохранилась у меня до сих пор...

Но что я опять о грустном? Начал-то во здравие, о радостном сборище молодых авторов в шестьдесят третьем. Это было, можно сказать, мое первое погружение в мир «большой литературы». Большой, конечно, не по уровню талантов, а по настроению, по возможности лицезреть знаменитостей, по особому ощущению п р и ч а с т н о с т и к литературным делам.

Встречи, конференции, споры на семинаре, стремительные интервью, когда тебя догоняет на лестнице и хватает за рукав корреспондент «Пионерки» или «Комсомолки», твой ровесник... Бутылки сухого вина в гостиничном номере... Автографы на с в о и х книжках, которые даришь новым друзьям – а они тебе дарят свои...

Я привез тогда в Москву свою первую книжку (целую пачку!). Это был сборник рассказов «Рейс «Ориона». В одном из рассказов двое мальчишек построили самодельный корабль-плот и назвали его в честь любимого созвездия...

Видите, опять «Орион». словно, кто-то вложил в меня программу с этим именем. Любопытно, что и самое большое парусное судно из тех, что потом самолично довелось водить мне, называлось так же. Это – громадная двухмачтовая яхта, размером с солидную шхуну (только парусная оснастка чуть иная). Мачты толщиной с добрый телеграфный столб.

В восемьдесят втором году меня взял в небольшое плавание на «Орионе» мой друг – севастополец, яхтенный капитан Олег Ветров. Упомянул кстати, что корабль этот немецкий, трофейный и, по слухам, принадлежал когда-то Герингу.

Несмотря на почтенный возраст, красавец «Орион» выглядел прекрасно. При слабом ветре он был тяжеловат на ходу, но, когда засвежело, побежал лихо под своими громадными гротом, бизанью и всеми стакселями.

Мы вышли с севастопольского рейда и увалились направо, в сторону Феодосии. Экипаж «Ориона» состоял из «тёртых» яхтсменов-черноморцев, на вахту к рулю никто не стремился, и мне охотно предоставили возможность несколько часов «постажироваться» у штурвала. Штурвал, кстати, был маленький, несолидный, вроде баранки на тракторе. И перед ним, словно на том же тракторе, устроено было сиденье со спинкой. Это слегка разбивало ощущение полноценной парусной романтики. И потом я с удовольствием узнал, что «баранку» наконец заменили настоящим корабельным штурвалом, а скамеечку выкинули.

В том плавании обошлось без особых приключений и штормовых ситуаций, но я до сих пор помню восхитительное ощущение, когда тебе послушно летящее над пенными гребнями белокрылое, гудящее такелажем судно – хотя и небольшой, но настоящий океанский парусник, на котором при желании можно обойти вокруг света...

Но это было потом. А раздаривая свой «Рейс «Ориона», я еще не знал, что мне придется ходить под парусами, самому строить яхты и учить мальчишек радоваться струнному такелажному звону при шестибальном ветре... Там, на совещании молодых, все еще было впереди. И надежды, и страхи – получится ли? Чтобы «получилось», недостаточно было данных природой способностей. Требовалось немалое трудолюбие и терпение. Это внушал нам руководитель семинара Лев Абрамович Кассиль.

Подумать только, т о т с а м ы й Кассиль, чьи книжки мы захлеб глотали в школьные годы! Человек-легенда, представитель иной эпохи. Казалось, он должен выглядеть седобородым патриархом. А это был сухощавый подтянутый мужчина – джентльмен и спортсмен. С живыми жестами, с быстрым, порой ироническим взглядом. Ну и не мудрено! Ведь (посчитал сейчас) ему тогда было меньше лет, чем сейчас мне, шестидесятилетнему.

Он никого не обошел своим вниманием, досталось несколько добрых слов и мне. Что-то об «энергичных и живых рассказах молодого уральца Владислава Крапивина». Этого мне хватило, чтобы неделю чувствовать себя окрыленным. А вообще-то на семинаре я отчаянно стеснялся и старался укрыться за большущей фарфоровой лампой, украшавшей стол «нашей» гостиной в новом здании ЦДЛ.

Из-за этой лампы я увидел однажды незнакомого пожилого человека, с которым все обращались крайне почтительно. Это был директор издательства «Детская литература» Константин Федотович Пискунов. Человек, знавший и печатавший Гайдара и Житкова, Маршака и Паустовского, всех знаменитых авторов детских книжек... Теперь Константин Федотович сетовал, что Кассиль задерживается. Он принес Льву Абрамовичу только что изданную книгу «Чаша гладиатора» и хотел вручить ее здесь, перед лицом почтительно взирающих на это молодых людей.

Кассиль появился, и вручение состоялось. Под наши аплодисменты. Лев Абрамович был неподдельно рад. А я, признаться, удивлялся про себя: чего уж он так тает-то? Что такое для Кассиля еще одна книжка, при его-то массе изданий и тиражей! (К тому же, переиздание). Глупый был, не знал еще, что для писателя всякая, пускай сотая или двухсотая книжка – так же радостна, как первая. Какая бы ни была, а все равно родное дитя. И берешь ее на руки, как живого ребенка...

Многого еще тогда не знал, не понимал, о многом не догадывался. В голову не приходило, что вскоре Константин Федотович будет здороваться со мной за руку. Помыслить не мог, что когда-то имена Кассиля и мое окажутся на соседних страницах в «Литературном энциклопедическом словаре». Не смел надеяться, что наступит день, когда я увижу свою очередную книжку, изданную в той же заманчивой для себя серии («Библиотека приключений и научной фантастики», золотая «рамка»), в которой напечатали «Чашу гладиатора» Кассиля.

Но такой день настал – напечатали в «рамке». Одну книжку, другую, третью. А теперь их на полке – уже десяток. Правда, не все изданы в «Детлите». Фирменную приключенческую рамку позаимствовали у детского издательства другие фирмы. Целых семь книжек в такой серии выпустил у меня московский «Центрполиграф». И, увы, это не «Детлит». Издалека блещит так же, но бумага скверная, а от иллюстраций оторопь берет. Плюс еще хроническое нежелание этой фирмы платить автору гонорар...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.